

**РОМАНЫ
МАРИИ ВОРОНОВОЙ**

Бывает, что среди спокойной и счастливой жизни ночью вдруг просыпаешься, как от толчка, и понимаешь, что все вокруг чуждое и чужое, в том числе и незнакомец, с которым ты двадцать лет спишь в одной постели. Если ты мужчина, то после такого озарения обычно уходишь на поиски чего-то своего, а если женщина — то в твоей судьбе это мало что меняет. Ты просто вздыхаешь, может быть, тихонько пробираешься в кухню, тоже теперь чужую и незнакомую, хоть ты спокойно приготовишь в ней обед с завязанными глазами, так хорошо знаешь, где что лежит.

Ты завариваешь себе чайку, посмеиваясь над незамысловатым каламбуром «чай от отчаяния», а потом идешь досыпать.

Утром ты вскакиваешь от пронзительного звона будильника, мчишься готовить завтрак, собираешь детей в школу и, сосредоточившись на том, чтобы накрасить оба глаза одинаково, окончательно выкидываешь ночное пробуждение из головы. Если у тебя есть близкая подруга, то она скажет «не выдумывай» и быстро убедит тебя, что человек в твоей постели никакой не незнакомец, а твой родной муж, точно

такой же, как и раньше. Так, под увещевания подруг и в повседневных заботах потихоньку забываешь, что живешь не с тем и не так. А ночью мало ли что привидится, в самом деле... Нечистая сила, биоритмы, блуждающий нерв — любое объяснение подойдет. Редко когда отваживаешься выяснить, что же за человек в действительности рядом с тобой.

Со мной было иначе. Биоритмы и нечистая сила не баловали меня ночными откровениями, уввы. Я узнала правду от людей, и мне было отказано в роскоши ее игнорировать. При всем желании я не могла зажмуриться и притвориться, что жизнь идет своим чередом. Меня с мясом вырвали, выкорчевали из иллюзий, хотя я была твердо убеждена, что не испытываю их в отношении своего избранника. Что если есть на свете женщина, которая выходила замуж с трезвой головой, во всей полноте осознавая реальность, то эта женщина — я. Иногда у меня хватает сил улыбнуться этому парадоксу, ведь горькая ирония это, пожалуй, единственное, что невозможно отнять у человека.

Вечером приходит Лиля. Я не приглашаю ее в дом, отдаю конверт с деньгами прямо на пороге и не задаю ни одного вопроса. Вежливость моя тает в кипятке отчаяния, чувствую, скоро я и конверты перестану для нее искать, стану просто кидать в лицо мятые бумажки. Вообще, если вдуматься, дурацкое правило хорошего тона — передавать деньги в конверте, — только создает неловкие ситуации и возможности для обмана, а вот поди ж ты, живет... Наверное, поэтому и живет.

Лилия горбится, прячет деньги в сумочку с добела вытертыми углами и тронутым ржавчиной замком.

Смотрит на меня взглядом побитой собаки, улыбается льстиво, жалко. Одета она в какое-то рванье, на ногах стоптанные босоножки, на левой ремешок возле мизинца оторвался и торчит, как ус. Я не знаю, разыгрывает она для меня спектакль, считая, что своим унижением расплачивается со мной, или она сама по себе такая, да и не хочу знать. Гораздо больше меня беспокоит мысль, что я должна теперь вести себя так же, как Лиля, если хочу и дальше общаться с людьми. Но покамест одиночество мне милее унижения.

Со стариковским кряхтением лязгает замок сумочки, Лилия сгибается еще сильнее и рассыпается в благодарностях. Я говорю, что очень тороплюсь, прощаюсь и захлопываю дверь, не дослушав. Теперь Лиле есть за что злиться на свою благодетельницу, и слава богу. Радостей у нее в жизни еще поменьше, чем у меня. Таков уж закон природы: как бы тебе ни было плохо, всегда найдутся те, кому еще хуже.

Вернувшись в комнату, падаю на диван. Я соврала, спешить мне некуда, только если в булочную. Иногда я специально выхожу за десять минут до закрытия и бегу, гадая, успею или нет. Это единственное, что придает моей пустой жизни остроту и смысл.

Пока в телевизоре ратуют за перестройку, я прикидываю, не дать ли в следующий раз побольше, чтобы иметь повод хоть о чем-то волноваться. Но не уверена, что три дня нищеты и голода до полочки сумеют пошатнуть мою депрессию. Я сижу в ней плотно, как мумия в саркофаге.

Зачем-то я поднимаю телефонную трубку и слушаю длинный гудок. Аппарат работает, просто мне никто

не звонит, кроме Лили. Вечером она объявится, снова начнет благодарить, отрабатывать подачку. Я буду отнекиваться, но у меня не хватит духу ей сказать, что деньги я даю не от жалости, не от доброты своей великой, не из любви к мужу, которому я официально верю, единственная во всем мире. И на Никиту мне тоже наплевать. Нет, я помогаю им по одной-единственной причине — мертвым деньги не нужны.

* * *

Ирина Полякова уже неделю жила одна, а все никак не могла привыкнуть возвращаться в пустую квартиру. Казалось диким находить вечером все так, как ты оставила утром, и от прозрачной холодной тишины делалось не по себе. Она не жила одна с тех пор... Да, в общем, никогда она одна не жила, и теперь свобода не то чтобы пугала, а так, была интересна, но неудобна, словно красивое платье не по росту.

За день воздух в квартире нагрелся, Ирина отворила форточки, отметила, что кое-где мебель подернулась тонким слоем пыли, надо бы протереть, но не станешь же, в самом деле, для самой себя стараться. И готовить для себя тоже не будешь, и не потому, что лень, а просто дико.

Улыбнувшись своим бунтарским мыслям, Ирина стянула платье и отправилась в ванную. Это тоже было ново — разгуливать по дому в чем мать родила.

Ирина встала под душ, включив его на полную мощность. Надо пользоваться, пока не перекрыли горячую воду, что домоуправление делает летом с за-

видным постоянством. Струи воды стучали по синей пластиковой шапочке, навевали разные приятные мысли. Это сумасшедшее лето скоро пройдет, а там оглянуться не успеешь, как декрет, и минимум на год можно забыть о рабочих неурядицах. Хотя минимум или максимум — это еще большой вопрос. Жизнь может так повернуться, что ей придется стать основной добытчицей в семье.

В июне ее муж Кирилл переболел пневмонией. Официально его болезнь не признали следствием работы на ликвидации Чернобыльской аварии, но лечащий врач при выписке дал направление в санаторий и порекомендовал как следует подумать насчет труда в горячем цеху. Сколько можно испытывать организм на прочность, в конце-то концов? Сейчас Кирилл молодой и сильный, но воздействие вредных факторов не проходит бесследно, когда-то даст о себе знать и перенесенное облучение, и воздействие высоких температур, и пыль, и копоть.

«Мой вам совет, — сказал доктор строго, — оканчивайте университет, трудитесь по своей новой специальности, а физические нагрузки применяйте в виде спорта».

Кирилл пару дней поворчал, подумал, а потом заявил, что в совете врача есть определенный смысл. Перестройка, хозрасчет и самоокупаемость — великие инициативы в масштабе страны, но карман простого работника от них скорее пустеет, чем наполняется. И вообще в последнее время он испытывает странное чувство, будто его держат за дурака, хотя пока не может понять, в чем конкретно это выражается.

Наверное, и вправду пора ему переходить на новую ступень развития...

«Как раз защищу диплом, пока ты в декрете будешь, — смеялся Кирилл, — и подамся в очную аспирантуру, чтобы три года сидеть с детьми, а ты строй спокойно свою карьеру, раз все у тебя так хорошо получается».

Ирина улыбалась этим утопическим мечтам, а сейчас, стоя под душем, жмурилась и представляла, как они сбудутся на самом деле. Черт возьми, а почему бы и нет? Кирилл всегда зарабатывал не много, а очень много, так что на книжке скопилась весьма солидная сумма, которая позволит ему не чувствовать себя нахлебником все три тощих аспирантских года. Даже без шабашек, которые, кстати, никто не отменял. Естественно, Ирина не позволит ему переквалифицироваться в домохозяйку, будет сама убирать и готовить, как прежде, но на работе сможет спокойно заниматься служебными делами, зная, что дети разведены по школам и садам и забраны оттуда будут в урочный час.

Соблазнительная перспектива, особенно если учесть, что председатель суда Павел Михайлович не отказался от идеи сделать ее своей преемницей, даже когда она призналась ему, что ждет ребенка.

Конечно, для женщины в первую очередь важна семья, никто не спорит, но что делать, если она чувствует в себе силы для ответственной и важной работы. В конце концов, она рвется на руководящую должность не ради привилегий, нет, спецаек и гарантированное поступление в престижный вуз для

детей — это отговорки, кокетство перед самой собой, потому что женщине неприлично жаждать власти и ответственности, а в глубине души хочется ей именно этого. Даже если бы к должности председателя суда не прилагалось никаких материальных благ, Ирине все равно хотелось бы ее занять.

Если все получится, Кирилл поступит в аспирантуру и три года будет страховать ее с детьми, то она точно справится с работой не хуже любого мужчины. А там Егор повзрослеет и, как ответственный старший брат, будет водить Володю в школу, а этого пока еще неизвестного товарища — в садик. Он мальчик отзвучивый, всегда готов помочь и поддержать.

Ирина даже стала напевать от радости, что, кажется, у нее и вправду получится совместить семью и работу. Все тревоги позади, Кирилл поправился после пневмонии, а из санатория вернется совсем здоровым. Беременность протекает гладко, в консультации ее похвалили за хорошие анализы и дисциплинированность. На работе тоже все складывается отлично, так что есть все основания смотреть в будущее с оптимизмом. Нет, впереди ждут разные неприятности, это естественно, жизнь есть жизнь и по-другому не бывает, но главное, что в семье все здоровы и поддерживают друг друга, а значит, бояться нечего.

Ну не справится она, в конце концов, с работой председателя — вернется на прежнюю должность, да и все.

Тут сквозь приятные мечты и шум воды Ирина уловила какой-то посторонний звук. Прислушалась. Так и есть, в коридоре заливается телефон. Она немножко

подождала, но звонки продолжались требовательно и непреклонно.

— Все понятно, — вздохнула Ирина, вылезая из ванны и заворачиваясь в полотенце.

Потратила еще несколько секунд, вытирая ноги, чтобы не оставлять мокрых следов на натертом мастикой паркете, хотя все равно, как ни старайся, а капли с тела попадут на пол и испортят равномерный блеск. Но не подходить себе дороже.

Как она и думала, сквозь треск и помехи пригородной линии послышался мамин голос:

— Ира, что так долго?

— Извини, мам, была в душе.

— Я же всегда звоню тебе в это время, неужели трудно находиться рядом с телефоном?

— Извини, — повторила Ирина, — ты просто вчера звонила, я думала, сегодня уже не станешь.

— Прости, что потревожила тебя, но я полагала, что ты волнуешься о своих детях и хочешь знать, как у них дела. Поэтому взяла на себя труд пройти три километра до станции.

Помехи помехами, а презрительное негодование эта плохонькая линия передавала отлично.

— Что-то случилось?

— Пока, слава богу, ничего, — произнесла мама и так трагически вздохнула, будто точно знала, что в Землю с минуты на минуту врежется огромный метеорит.

Ирина на всякий случай тоже вздохнула.

— Я разобрала платяной шкаф, у тебя там царил просто невообразимый беспорядок, — продолжала

мама, — все-таки очень жаль, что я так и не смогла объяснить тебе, что недопустимо быть неряхой не только снаружи, но и изнутри.

Ирина переступила с ноги на ногу.

— Нельзя распахать вещи по углам и считать себя при этом аккуратной женщиной. Особенно когда у тебя молодой муж. Мужчины, знаешь ли, все видят, и если не говорят, это еще не значит, что они не замечают беспорядка. Тут скомкано, там грязь, и невольно возникает идея, а не найти ли женщину, которая лучше будет справляться с домашним хозяйством. И дети, знаешь ли, никого еще не остановили, тем более что Егор не от него.

— Мам, ты зачем мне это говоришь?

На том конце трубки раздались странные звуки, которые с равной вероятностью могли оказаться и саркастическим смехом, и неполадками в эфире.

— А кто тебе еще скажет правду, если не мать? Кто предупредит?

— Ну я все-таки надеюсь, что Кирилл не уйдет от меня из-за одной неаккуратно сложенной простыни.

— Да у тебя в шкафу разве что змеи не ползают!

— Одна точно заползла, — пробормотала Ирина себе под нос.

— Что?

— Ничего.

— Тебе все шуточки! А потом поздно будет смеяться.

— Тогда и поплачу. Нельзя же все время жить под дамокловым мечом надвигающейся трагедии.

— Ну давай-давай, резвись. Знаешь пословицу: пили-ели, веселились, посчитали — прослезились?

— Мне кажется, там другой смысл.

— Ой, да что я, в конце концов, стараюсь! В детстве-то от тебя все хорошее отскакивало как от стенки, а теперь вообще... Живи как знаешь.

— Мам, а ты завтра пойдешь на станцию? Мне ждать звонка?

После долгой паузы мама проговорила:

— Даже не знаю... Дорога, конечно, для меня уже тяжеловата, но с другой стороны, это единственный способ отдохнуть от Гортензии. Нет, Ирина, ты как хочешь, а я решительно не понимаю твоей странной дружбы с этой старой девой!

— Гортензия Андреевна очень хороший человек.

— Старая дева и партийная дура, ничего больше, — припечатала мама, — и, как истая коммунистка, не умеет отличить свое от чужого. Неужели так трудно понять, что эта дача не ее и ей здесь не рады? Так нет, мало того, что развела цветы, еще имеет наглость давать мне советы, как обращаться с Егором и Володей! Якобы она мне помогает. Но я прекрасно могу и одна посидеть с собственными внуками.

«И не менее прекрасно ты можешь пожить у себя дома», — мысленно огрызнулась Ирина.

Весь июнь Ирина честно отсидела с детьми на даче, почти не навещала мужа в больнице, потому что детям необходим свежий воздух, а кроме того, беременной женщине лучше не ходить по стационарам, чтоб не поймать какой-нибудь особо злой и устойчивый к антибиотикам микроб. Гортензия Андреевна

по выходным отпускала ее к мужу, но по большому счету Кирилл во время болезни был предоставлен сам себе, и это до сих пор уязвляло Ирину. Потом отпуск ее кончился, на вахту должен был заступить Кирилл, и он собирался, даже хотел отказаться от путевки в санаторий, Ирина убедила его ехать буквально со скандалом. Вопрос с детьми встал ребром: забирать их на самый жаркий месяц в каменные джунгли не хотелось, но и отдавать на полное попечение Гортензии Андреевне тоже было страшновато. Она человек ответственный, а все-таки пожилой, и не дай бог... Ирина терзалась сомнениями, но тут неожиданно на помощь пришла мама и заявила, что прекрасно посидит с родными внуками. Ирина с благодарностью приняла предложение, хоть сердце и сжалось от нехорошего предчувствия, и, как выясняется, не зря. Посидит — да, прекрасно — нет.

Отношения с мамой прямо зависят от дистанции. На расстоянии — тепло, чуть ближе — поджаривание на медленном огне. И ведь по сути она права, в шкафу действительно эпический бардак, ибо последнюю стирку Ирина затолкала туда не глаженной. Слава богу, хоть не поддалась соблазну скрутить все в один ком, сложила каждую простынку по отдельности. Стоял слишком жаркий день, чтобы махать утюгом, а беременная женщина должна беречь себя, но это, конечно, не оправдание. С таких мелочей и начинается падение в пропасть. Сначала забудешь погладить, потом — постирать, а дальше что? Грязью зарастешь, оглянуться не успеешь. Так что надо спасибо маме сказать, что держит дочь в тонусе, а вместо этого всплы-

вают и всплывают в памяти разные глупые детские обидки.

С треском опустив трубку на рычаги, Ирина прямо в полотенце прошла в спальню и легла на кровать. Отеков у нее официально не было, но ноги приобрели некую приятную пухлость, сухожилия на ступнях больше не выпирали из-под кожи, и от ремешка босоножки остался глубокий красный след. Скрутив из покрывала тугий валик и положив под ноги, Ирина закрыла глаза и прислушалась, не зашевелится ли малыш. Конечно, еще рано, но вдруг... Проведя ладонью по животу, она заметила, что он уже довольно прилично округлился, так что вскоре о ее интересном положении догадаются даже самые невнимательные коллеги. Хорошо, что она нашла в себе мужество сразу признаться председателю суда, хотя был сильный соблазн тянуть до последнего, обеспечивая себе еще пару месяцев спокойной работы.

Ирина улыбнулась. Вообще странно протекает у нее эта беременность. Очень странно, особенно если вспомнить, как она нервничала с Егором и Володей, хотя носила их обоих в обстановке полного благополучия. Не происходило абсолютно ничего плохого, жизнь текла размеренно и привычно, а она каждый день придумывала себе новые страхи, и сердце сжималось от ужаса.

А сейчас под напором настоящих трудностей и невзгод ее вечная тревога странным образом пропала. На душе постоянно царит спокойствие и безмятежность, какой она бы не достигла годами занятий по системе буддийских монахов и аутотренинга.

Может быть, это беременность так на нее влияет, а вернее, просто кончилась молодость со своей неумной жадой счастья...

«Я спокойна, я абсолютно спокойна...» — нараспев произнесла Ирина модное психологическое заклятие, но, засмеявшись, сама себя перебила.

Аутотренинг, метод прогрессивный, но полуподпольный и оттого прогрессивный вдвойне, завладел умами многих знакомых Ирины, а ей самой представлялся дикой чушью. Иллюзия — она и есть иллюзия, то есть обман, и он, увы, не становится правдой оттого, что ты сам себе его внушаешь. Витя Зейда говорит, что адекватное восприятие реальности и самого себя является главным признаком психического здоровья, но он считается в своих психиатрических кругах весьма недалеким малым, а ребята, придумавшие аутотренинг, ходят в гениях, и неисчислимое множество людей по всей стране повторяют, что их веки тяжелеют, вместо того чтобы заняться чем-нибудь полезным.

Ирина немножко помечтала, как первого сентября позовет в гости Зейду с женой, отметить начало учебного года. Егор пойдет в школу, Кирилл — в университет, Витька — в аспирантуру. В семье получается не просто праздник, а настоящее торжество знаний! Сейчас лето в разгаре и осень кажется далеко-далеко, но время летит так быстро... Оглянуться не успеет, как на деревьях появятся первые желтые листики, пойдут дожди, еще по-летнему шумные, но уже прохладные и затяжные. Небо побледнеет, затянется темными тучами, и придет пора возвращать детей в город.

Приедут они числа двадцать седьмого, чтобы успеть на школьный базар, покупать Егору новую форму, портфель и школьные принадлежности. А учитывая боевитый характер старшего сына, лучше две новых формы, одну носить, а вторую — отремонтировать в ателье. Наберут тонких тетрадок с Маяковским, Некрасовым и Семеновым-Тянь-Шанским на зеленых обложках, солидных тетрадей в сорок восемь листов и обязательно одну в девяносто шесть. Такая толстая Егору еще не нужна, но пусть будет для осознания важности момента. И Кириллу приобретут всякой канцелярии, как первокласснику, шариковых ручек купят штук десять, а то он вечно их теряет. Ну и Володе обязательно возьмут альбом для рисования и карандаши. А может быть, застанут в продаже бумагу для акварели, восхитительно плотную и в то же время воздушную и пористую, от одного взгляда на которую руки тянутся изобразить что-нибудь этакое. И краски «Ленинград» купят, большую коробку в двадцать четыре цвета, где каждый брусочек запечатан, как ириска, и подписан загадочными словами «кадмий оранжевый», «умбра жженая», «сепия» и другими. А если судьба окажется совсем-совсем на их стороне, то получится найти и восхитительную колонковую кисточку, в форме капли с острым-острым кончиком, которой можно и накладывать щедрые мазки, и прорисовывать самые тонкие детали. Еще у Егора наверняка к осени вырастет нога, придется искать ему весь комплект обуви, из которой беспрепятственно продаются только кеды, да и то не модные. Недавно родной «Красный треугольник» расстарался, выпу-